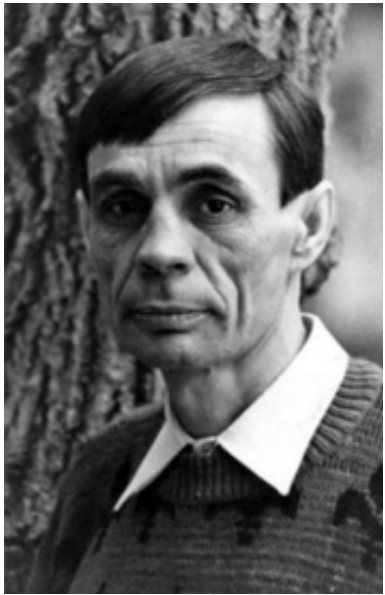

Имя в литературе

Дыхание высокой поэзии

Пятого октября исполнилось бы 74 года Борису Попову

Один из лучших поэтов Магнитки ушёл из жизни несправедливо рано. Где та грань, за которой горькое «исполнилось бы...» переходит в энциклопедически сдержанное «...-летие со дня рождения»? Борису Попову было отмерено 49 лет. Но судьба щедро одарила его талантом, которого хватило бы на несколько жизней.

В предисловии к выпуску № 25 серии «Литература Магнитки. Избранное» поэт Николай Якшин писал: «Борис Попов спустя и двенадцать (уже двенадцать?!) лет после своего ухода остаётся одной из самых впечатляющих величин в череде магнитогорских стихотворцев. Если попросту не первой». Да

и сейчас, четверть века спустя, эти слова справедливы.

Сколько ещё Попов мог бы написать, если бы ему было чем дышать в эпоху безвременья, сменившуюся эпохой распада связи времён? Если бы ему не перекрывали кислород чиновники от литературы, если бы он мог издаваться уже в 70–80-е, как его товарищи – члены писательских союзов, куда ему, не умевшему следовать конъюнктуре, хода не было...

Страшно представить, как труден был путь поэта к читателю каких-нибудь три-четыре десятилетия назад, как непросто было живому и настоящему пробиться сквозь тонны «правильного», «идеологически верного», «востребованного обществом». Тем большее уважение вызывают те, кто остался верен своему предназначению.

Поэзия Бориса Попова, ставшая прорывом в конце прошлого века,

современна и сегодня, круг её ценителей расширяется благодаря публикациям в сетевых литературных альманахах. Читателей из разных городов и стран покоряют яркая образность, завораживающая ритмика, магия простых слов, открывающихся новыми гранями. А ещё – удивительная естественность поэтического языка, теплота и доверительность интонации, предельная искренность, мягкий

юмор и несколько более жёсткая самоирония. На каком бы высоком накале ни звучали поэтические исповеди, автор добр к героям и адресатам стихов и беспощаден к себе.

Поэты подчас обладают пророческим даром. Борис Попов предвидел, что уйдёт рано. Хочется верить, что он знал и другое: стихи его будут жить долго.

✍ Елена Лещинская

Справка «ММ»

Борис Емельянович Попов (5.10.1946–20.01.1996) – российский поэт, журналист. Жил в Магнитогорске, учился в Литературном институте имени А. М. Горького, куда поступил по рекомендации Бориса Ручьёва.

С 1991 по 1996 год работал в редакции газеты «Магнитогорский рабочий», где вёл литературную страницу и руководил литературным объединением, что было весомым вкладом в культурную жизнь города.

Автор книг стихов «Светает в шесть...» (1992), «Под знаком Весов» (1993), «На уровне разлуки» (1994) и посмертного поэтического сборника «Вторая половина четверга» (2008), вышедшего в серии «Литература Магнитки. Избранное» под патронажем «Магнитогорского металла».

Ранее не опубликованные произведения Бориса Попова и мемуары его вдовы Светланы Гладковой размещены на интернет-портале международного литературного клуба «ИнтерЛит».

Лирика

✍ Борис Попов

***

Долог был день, небосвод необъятен,
Дали пусты...
Что же я вдруг тебя вспомнил, приятель, –
Счастливы ли ты?

И защемило под сердцем внезапно
От суеты,
Что отложилось сегодня на завтра.
...Счастливы ли ты?

Позанесла нас судьба, растеряла.
Вьюги люты
От молдавских степей до Урала!
...Счастливы ли ты?

Счастливы ли ты, переживший все сроки,
Сжёгший мосты,
Вспять уходящий по спящей дороге, –
Счастливы ли ты?

И, приминая подушку горбато,
Плача без слёз,
Счастливы ли я, горевой, виноватый –
Пасынок звёзд?..

Музыка жизни

Снег над отчизной мартовский, мокрый
тянется-вьётся... Радуйся, брызги,
музыка жизни!.. Что же ты смолкла,
музыка жизни, музыка жизни?
Вот постою я у паровоза,
не бесталанный, да бесполезный.
Что же ты стихла, музыка прозы,
музыка казни, музыка бездны?
Очи слезятся у гражданина
клятой России... Мятый, отпетый,
тронется поезд, рвя пуповину
между вопросом и между ответом.
Снег над отчизной тянется к марту
так, как деревня прёт в мегаполис.
Светит реклама «Чигби» да «Магби»
там, где светились «ум, честь и совесть»!
Вот постою я возле державы –
над пепелищем раненый кочет.
Что же ты стихла, музыка жара,
музыка плача, музыка ночи?
Что же ты стихла, что же ты смолкла,
музыка жизни – слышишь, гражданинка?
...Веет от дома холодом морга,
марганцем, хлоркою, валерианкой.

***

На том пустыре мы играли в футбол
с весны и до осени самой.
Здесь дерзкий царил молодой производ,
сплеталась комедия с драмой.
На том пустыре, где репей да лопух,
где козы толклись бестолково,

мы раны считали! Врачующий пух
слетал с тополей поселковых.
На том пустыре, где теперь гаражи,
пропахшие дымом и пылью,
мы первые брали свои рубежи
и первой любовью любили.
Ау, Несмеяны пришкольной зари!
...Нет отклика, нету ответа.
Где вы, пустыри и мои сизари,
разгоны мои и кюветы?
Вечерней дорогой иду належке
и всё натыкаюсь на тени –
как знак поражения, сжимаемая в руке
поблекшую ветку сирени...

***

...Вязала мама тёплые носки
для сына непутёвого, вязала
носки для сына, чтобы от тоски
не мёрз сынок, не грелся на вокзалах.
Слезящиеся серые глаза
подслеповато шурились, а были
когда-то голубы, как бирюза, –
лукавили, посмеивались, стыли.
И у мужчин пружинили виски
при виде этих глаз невыносимых!
...Вязала мама тёплые носки
для сына непутёвого, для сына.
Вязала мама, сдваивая нить,
носки для сына. Свяжет и для внука –
чтоб в памяти обоих сохранить
святую материнскую науку.
Когда-нибудь, пусть сроки неблизки,
и я уйду, любовно вспоминая:
вязала мама тёплые носки
всю жизнь свою – от ноября до мая...

***

Оставляю на завтра
тетради и карандаши,
пьяный натиск азарта
и трезвые слёзы души.
Оставляю усталость,
постылую логику дня...
Слава Богу, осталась
ночь в запасе ещё у меня!
Оставляю на завтра,
что вчера и сегодня не смог.
Охромевший внезапно
от любви и от ревности слог.
Суматоху, смятенье
и мокрый туман над рекой,
законы тени
и тени любви дорогой!

...Ах, оранжевый август,
в накрапах зари небосклон...
Перелётная благодать –
короткий, спасительный сон.
Неминуемо тучей
спешат к сентябрю журавли.
...Я в платочке на случай
оставляю и горстку родимой земли.

Сеновал

Я лежал на сеновале,
было сухо, пахло сладко.
Я лежал на сеновале
в понедельник и в четверг.
Ну и ладно, и понятно...
Но последняя загадка –
где найдётся сеновалу
в наше время человек?
Я глядел в ночное небо, и оно в меня глядело.
Я поглядывал на стены –
и они вперяли взор
в – ах! – моё немолодое,
уж поношенное тело
и вели со мною
долгий беспредметный разговор.
Я ушёл, смотался,
смылся от особы неприступной,
от долгов, что пахнут водкой,
а потом уже бедой.
Ну, конечно, было стыдно,
стыдно, муторно, остудно,
но я справился с собою, и остался я с собой.
Я лежал на сеновале, что когда-то основали
наши местные умельцы возле дома, у двора.
Звёзды сеялись, сияли,
мыши по полу сновали,
и в далёкое ночное выезжали трактора.
Ах, какое было время –
жар, затмение, горенье,
паустовские закаты, экономный свет в избе.
Я лежал на сеновале и писал стихотворенья
о любви, тоске и славе – и, конечно, о тебе!..

***

Предошущение осени. Крах
звонкого зноя.
Сонное на предзакатных ветрах
солнце сквозное.

Предошущение осени... Грусть,
но и отрада.
Как я ещё до тебя доберусь,
пульс листопада!

Сплетни, стучащие по площадям,
словно подковки.
Думал ли я, что тебя пощадят
эти торговки,

эти менялы умелых идей?
...Нам не хватало
предошущения осени. День
весь из металла.

Только уж небо морозит к ночи,
хлад наплывает.
И оплывает огарок свечи,
и убывает.

В угольной плотной, небесной пыли
крошатся звёзды.
...Предошущенье прощанья вдали
рано иль поздно.

Крошатся звёзды в родимых глазах,
колются, бьются.
И обнимаются люди в слезах,
и расстаются.

Точка

Ставлю точку в конце письма,
ставлю точку –
потому что пришла зима,
и уж точно.

Баратынский писал «Пирь».
Пушкин – «Вольность».
Ставлю точку в конце игры.
И доволюсь.

Потому что пришла зима,
смуту съела.
Ставлю точку в конце письма.
Надоело.

Белый полдень стоит в саду
с белым пледом.
В декабре я к тебе приду
напоследок.

Переписывай всё сама –
дни и строчки.
...Ставишь точку в конце письма,
ставишь точку?..

Попытка прощания

Так пусто и грустно мне было вчера.
...Менялась погода, и ветер подталый
топтался у окон, свистел у двора,
по комнате шарил и лез в одеяло.
И встал я тяжёлый, и лёг я больной,
и только лицом я к стене повернулся,
как ангел разлуки взлетел надо мной,
и всех я простил,
и, простив, встrepенулся.
Ты, птица ночная, не плачь обо мне!
Забывший и слабый, в пустынной постели,
лицом повернувшись к побитой стене,
я чувствую ход предпоследних метелей.
Ты, город железный с несётной душой,
расставил свои батареи и сети
и думаешь, глупенький, – что ты большой?
Ты маленький-маленький город на свете.
Ты точка на карте, пылинка полей,
песчинка пустыни, листок среди леса!
Но нет ничего мне на свете милей,
чем это твоё неживое железо.
Прощайте, прощайте, я скоро уйду!
Недаром я вижу в оконном проёме
зелёную, зимнюю, злую звезду,
и стёкла в истопе, и отороп в доме!
Лицом повернувшись к обшарпанному снам,
мне сладостно греть свои горькие думы –
как будто бы это посыл временам,
молве и безмолвию, сраму и шуму!
Прощайте, прощайте, я скоро уйду –
без слёз и упреков, угроз и объятий, –
уже не подвластный земному суду,
ещё не готовый к небесной расплате.
Легки на помине, придите, друзья!
Любимая мною полюбит другого.
А мне остаётся река и ладья –
и слово, которому верил, и слово...